

Истории о жизни и любви

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

ЗАГАДАЙ
ЖЕЛАНИЕ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *Е. Куликовой*

Редактор серии *Е. Дмитриева*

В дизайне обложки использована фотография:

© Aleshyn_Andrei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Веденская, Татьяна.

В26 Загадай желание : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-193559-7

Говорят, если в сердце твоём живет сильное желание, оно непременно сбудется. А еще говорят, если желание не сбудется, то его и не было. Правда это, или нет, решили проверить четыре подруги — Анна, Олеся, Нонна и Женя. Каждая загадала свое сокровенное желание и выпустила на волю — пусть плывет по воде вместе с венком из весенних цветов. Прибьется к берегу, значит, не судьба — желание не исполнится. Если же поплывет вдаль, уносимое быстрым течением, значит, жди — скоро сбудется... Только жизнь... такая забавная штука! Все желания подруг исполнились. Но того ли они хотели?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Т. Е. Саенко, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-193559-7

*Моему мужу
Твое терпение поражает!*

*Особая благодарность Алдоне Кутрайте
за долгие разговоры, которые мы ведем
с таким удовольствием*

*Все совпадения с реальными людьми,
именами и событиями случайны.*

Спасибо, господи, за пятницу

Почему опоздала Олеся

Все самое хорошее в жизни происходит случайно и когда ты этого не ждешь — так, кажется, говорят. Олеся Рожкова, двадцати двух лет от роду, двадцать из которых она мечтала о том, что станет новой Сарой Бернар, стояла на ступеньках подъездной лестницы, прислушивалась к тому, что происходит двумя этажами выше, за дверь, ведущей в ее собственную квартиру. Она думала о том, что плохое, собственно говоря, тоже происходит, когда его совсем перестаешь ждать. Наверху было тихо. Что делать дальше, Олеся не знала. Не имела ни малейшего понятия, что, впрочем, было для нее неудивительно и не редкость. Страстная натура, творческая душа, никакого тебе самоконтроля, никакой логики, одна сплошная эмоция. Другое было странно — то, что ее чувства не изменились ни на грош за весь прошедший год. А еще говорят, что время лечит.

Олеся забежала домой на минутку. Ей нужно было только переодеться и смыть с лица остатки дурацкого клоунского грима. Не в таком, о, не в та-

ком виде она мечтала предстать пред раскаявшимся Максимом. Сколько раз Олеся прокручивала в своей голове эту сцену — он, осознавший, какую роковую ошибку совершил (подлец), падает пред ней ниц и молит вернуться. Она уже, конечно, звезда и лучшая подружка Кати Климовой или там Светы Ходченковой, хотя... Возраст слишком разный, не пойдет. Да и кто из актрис способен на настоящую дружбу?.. Другое дело — девчонки.

Хорошо, не в этом счастье. Не это главное. Главное, чтобы Максим упал ниц и раскаялся. А Олеся, звезда в коктейльном платье, небрежно поправила бы выбившуюся из прически черную прядь и сказала бы ему: «Поздно, милый». Олеся много раз мечтала об этом. Репетировала, как именно она поправит эту самую прядь. Даже стричься стала немного иначе, чтобы прядь была еще более непослушная — ей новая прическа шла. Олеся знала роль назубок, еще бы, столько раз репетировала перед большим бабушкиным зеркалом. Безразличие получалось все лучше. Недавно, а если быть точной, то в прошлую пятницу, на их еженедельных посиделках у Анны, Олеся даже сказала, что в самом деле больше не думает о Максиме. И ведь она не врала, а только отметила с удивлением, что неделю, не меньше, не вспоминала о нем. Девчонки отреагировали поразному.

— Ты просто была занята, вот и отпустило немного, — пожала плечами Нонна и со свойственной ей черствостью добавила, что человек, который все еще

рыдает каждый раз, когда слышит песню Free Love, не вполне преодолел свое чувство.

— И все-таки это уже большой шаг вперед. Все у тебя получится, ты забудешь его и будешь счастлива. — Сострадательная Анна, как всегда, поддержала слабейшего, то есть Олесяю.

Нонна фыркнула себе под нос, раскладывая на столе карты с ловкостью профессионального картежника, и буркнула что-то про то, что «кто бы говорил» и «чья бы корова мычала». Женька добавила только, что Олеся хотя бы страдает из-за несчастной любви, а самая большая проблема у нее, у Женьки, — сама Женька. И тут же начала свою «заунывную» о том, что с такой самооценкой, как у нее, у Женьки, люди вообще вешаются. А еще у нее ноги толстые, из-за чего новые брендовые шорты от Guess на нее не налезли, даже те, что на размер больше.

— Понеслось! — покачала головой Нонна. — Так, девочки, не берем крестей. Сосредоточьтесь, плиз, на преферансе.

Эта пятница показала, насколько Нонна была права. Олеся совсем ничего не преодолела, даже на мизинчик. И не стала звездой. Все, что изменилось в ее жизни после того, как ей дали диплом выпускницы Щуки, это... ничего. Ничего не изменилось. Есть люди, которые родились под счастливой звездой. Они поражают преподавателей в самое сердце, им случайно встречаются на улицах великие

режиссеры, которые как раз ищут их, чтобы вручить совершенно уникальную и, конечно же, главную роль.

А есть все остальные. Есть Олеся. Учеба в «Шуке» была восхитительной, но результат — работа в масковке на «Мосфильме»? Аниматор на утренниках? Эпохальная роль кариеса в рекламе зубной пасты? О, да, Олеся с ужасом думала о том, что Максим тоже может увидеть, как она, загримированная под страхолюдину и с замазанными черной пастой зубами, крадется к жующему пончик человеку, чтобы лишить его улыбки. Черт, кто придумывает эти рекламы? Конечно, Максим ее увидел!

— Я хотел поздравить тебя. Я так понимаю, что твои мечты о большой сцене сбылись? — сказал он, когда несколько минут назад Олеся открыла дверь своей квартиры и оказалась лицом к лицу с Любовью Всей Своей Жизни. И что это — раскаяние? Разве это должен говорить мужчина, который хочет вернуть себе девушку?

— Откуда ты тут взялся? — пробормотала она.

Он здесь? Как это возможно? Зачем он вернулся? Чего он хочет? Он что, подстригся? Похудел? Загар ему к лицу. Я умираю, когда вижу его. Я умираю, когда его нет рядом. Я не могу дышать.

— Ты забыла? У меня есть ключ. — Максим показал связку, и Олеся моментально вспомнила, как он уходил. Как они сидели рядом в прихожей, он был в бежевом свитере, который связала Анна, а она, Олеся, была в слезах. Максим говорил что-то о несо-

ответствии взглядов, о том, что он задыхается и что ему нужно знать, что он свободен, раз уж он уезжает. Мало ли что. Он не хочет ее держать.

А она хотела, чтобы он ее держал. Она задыхалась от одной мысли, что они станут чужими, она не хотела *оставаться друзьями*. Она не хотела слышать ни одного из его аргументов — от них становилось только хуже, только больнее. Все, о чем она могла думать, — что он не придет больше вечером, не станет ворчать о том, что в его новостном агентстве работают одни козлы и свиноты, что они не будут лежать рядом и она не сможет прикасаться к нему. Он ушел со словами: «Я сейчас вернусь», которые слились в одно «ясейчасвернусь». Отзвуки этой фразы еще долго мучили Олеся, внушая ложные надежды. На поверку вышло, что Максим ровно ничего под этим не имел, он сказал это только для того, чтобы Олеся перестала рыдать и цепляться за него. Чтобы дала ему уйти.

О, как она ненавидела себя в тот момент! Какой жалкой она была. Никакого достоинства, никакой гордости. Она не могла понять, как будет без него жить. Если бы не девчонки — она бы, наверное, не сдюжила. И в самом страшном сне она не могла себе представить, что он появится вот так, без предупреждения. Если бы знала, то заставила бы его отдать ключи. Впрочем, кого она пытается обмануть? В первые месяцы после его ухода — после того, как они прожили вместе почти два года, — она постоян-

но прислушивалась, не поворачивается ли в замочной скважине этот самый ключ.

— Ну, рассказывай! — Максим широко улыбнулся. По нему и не скажешь, что этот человек почти год болтался по миру, пешком прошел по Чили и Мексике, торчал в Италии едва ли не всю зиму. Сияет, как модель для модного журнала.

— Чего рассказывать? — Олеся встала на пороге, не зная, шагнуть ли к нему навстречу или, напротив, бежать без оглядки.

— Как ты тут жила без меня. Я вижу, аккуратнее ты не стала. — Он обвел внимательным взглядом комнату, остановился чуть дольше на сваленной в кучу старой одежде, которую Олеся собралась рассортировать и часть повывбрасывать. Выбрасывать вещи — это полезно для подсознания, так, по крайней мере, считает Нонна. Хочешь выбросить из головы бойфренда? Выброси старую яйцерезку, тем более ты все равно не знаешь, как ею пользоваться. Олеся наделала куч из старых вещей, но до помойки так и не дошла. Черт, надо было же! Сколько времени она хотела разобраться!

— Э... разве это теперь твое дело? — выдавила из себя Олеся, но щеки уже предательски покраснели. Зато она вдруг вспомнила, сколько вечеров они с Максимом провели, выясняя отношения как раз после такого вот его комментария — он всегда был на них щедр.

— Ого! — Он улыбнулся еще шире. — Моя девочка научилась показывать зубки!

— Я не твоя девочка, — пробормотала Олеся, слабея от того, как это прозвучало — «Моя девочка».

— Я скучал по тебе. Все это время я думал: надо было заставить тебя меня ждать. Нельзя было тебя отпустить. — Максим сделал шаг вперед, и Олеся почувствовала панику. Если он прикоснется к ней, все будет кончено. Она не сможет устоять. А у нее дела, у нее свои планы... Какие, кстати? Какие же у нее были планы, черт... Олеся нахмурила лоб. Ах да, пятница. Девчонки, преферанс.

— Ты сам ушел... тогда. Никуда ты меня не отпускал.

— Я думал, так будет лучше. — Он остановился около стены в коридоре, где принялся с удивлением разглядывать «Спираль» — своего рода наскальный рисунок, который Олеся нанесла на стену по совету той же Нонны для гармонизации пространства. Ну, и чтобы зарисовать протечку. На ремонт у Олеси, знаете ли, денег нет. — Что это? Не пойму, это чем намазано тут?

— Это... это спираль времени.

— О господи, Олеся! Ты в своем репертуаре. Все еще веришь во всякую ерунду? Ладно, я по этому тоже скучал. Ты знала, что я чуть не умер во Вьетнаме?

— Тебя поймали экстремисты? — Олеся округлила глаза.

— Я подцепил кишечную палочку. — Максим расхохотался. Смех его был таким же заразительным и магическим, как год назад. Протянув руку, он по-

дошел к Олеся так близко, что она в страхе замерла. «Сейчас все кончится, — подумала она. — Или снова начнется». И не будет пятницы, не будет девчонок и разговоров по душам, не будет преферанса, в который она вечно продувает Нонне, потому что не умеет жульничать. И не будет самодельного мохито, который Анна готовит из дачной мяты Нонны. Вообще ничего больше не будет.

Ее Мастер вернулся в ее мир и предъявляет на нее права. Она снова будет принадлежать ему — не себе. Ни дня она не принадлежала себе, пока Максим был с ней, когда они были вместе. Вместе — не то слово. Она билась, как муха в паутине, но больше всего боялась, что он отпустит ее. Впрочем, не это ли случилось в один ужасный день? Это было неизбежно — такой уж человек был Максим, не из тех, с кем можно жить счастливо, и не из тех, от кого можно уйти.

— Ты будешь страдать без меня. Не стоит сопротивляться, — заметил Максим флегматично.

Эти слова Олеся тоже помнила. От них ей было физически больно, словно ее скручивали цепями. Максим имел необъяснимую власть над ней. Возможно, магия, возможно, гормоны. Может быть, любовь? Нет, это вряд ли.

— Если хочешь, я сейчас же уйду и больше никогда не вернусь, — сказал он, зная, что она ни за что не согласится на это.

Олеся почувствовала, что начинает задыхаться. Она не хотела, чтобы он вернулся в ее жизнь. Она

боялась его как огня. А ведь ее недавно пригласил на свидание один режиссер, и она, конечно же, ответила ему согласием. Он был приятным и собирался снимать фильм о провинциальном театре. Олеся он нравился. Что же будет теперь с ее жизнью?

— Хочешь, чтобы я ушел? — нахмурился Максим.

Именно в этот момент Олеся вдруг придумала, что делать со всей этой ситуацией. И это был огромный прогресс, между прочим. Она вздохнула поглубже и усилием воли отвела взгляд от пронзительных зеленых глаз Максима.

— ЯСЕЙЧАСВЕРНУСЬ, — выдавила она из себя, схватила сумку, пулей вылетела из квартиры и побежала вниз по лестнице. Через два пролета она остановилась и прислушалась. Если бы Максим побежал за ней, все было бы кончено. Если бы он обнял ее и поцеловал, все было бы кончено. Если бы он накричал на нее, все было бы кончено. Она посмотрела наверх — вдруг он стоит на лестничной площадке и смотрит? Но было тихо, и Максим за ней не побежал. Сто пудов, он остался сидеть в квартире и ждать — такое уже бывало раньше, она пыталась устраивать истерики, хлопала дверьми, запиралась в ванной комнате, уходила в магазин... Но всегда возвращалась. Так что зачем бегать? Олеся почувствовала вибрацию телефона раньше, чем он зазвонил. Чтобы звонок не прогремел на весь подъезд, Олеся тут же ответила. Звонила Женька.

— Алло? Ну, ты где? — раздался возмущенный голос. — Где вы все вообще? Я приехала, а тут толь-

ко Баба Ниндзя и Ванька. ВАНЬКА! Ты знаешь, как я к нему отношусь! А никого нет — ни Нонки, ни Анны. Издеваетесь? Я к вам из Жулебина перлась по пробке и то не опоздала! Совсем охамели.

— Я уже еду, — прошептала Олеся, спускаясь по лестнице. Она мысленно представила спокойное, безмятежное лицо Анны и тут же почувствовала прилив сил. Анна — тот самый человек, который поможет ей выстоять. Анна сможет удержать ее от глупостей. Анна улыбнется своей безупречной улыбкой Моны Лизы, и все проблемы исчезнут.

— Что? Я говорю тебе, если вы немедленно не появиться, он меня разрушит как личность — окончательно, а я и так себя ненавижу. Ты скоро будешь? — Женька не слушала, что ей говорили, потому что, когда она была взволнованна, всегда говорила сама. Так что Олеся просто нажала кнопку «отбой» и вылетела из подъезда, стараясь не думать о том, что Максим, возможно, смотрит в окно. Она быстро пересекла двор и помчалась к дому Анны. Она подумает об этом завтра. Может быть, когда вернется домой, Максима в квартире уже не будет и ей удастся убедить себя, что он и не приходил? Может, все обойдется. Господи, как же ей не хотелось снова его полюбить!

Почему Женя пришла вовремя

Можно ли изменить себя? Этот вопрос волновал Евгению Славянову с самого рождения, вот уже двадцать девять лет. Во всяком случае, с тех самых пор,

как она себя помнила. Даже в детском садике, где положено прыгать на кровати и наслаждаться детством, Женя вела борьбу за место под солнцем. Чтобы с ней дружили, она отдавала вкусные кексики и сосиски в тесте. Это работало, но от недоедания Женя росла худенькой и бледной. А мама ее за это все время ругала:

— Люди подумают, что я тебя не кормлю. Ну-ка ешь кашу, Евгения! И поправь воротничок. Откуда у тебя пятно на фартуке?

— Оно тут уже было, — оправдывалась Женя.

— Глупости. Просто у тебя руки не из того места растут. Соседи, поди, считают, что я тебе одежду не стираю!

Маму было не переспорить. Впрочем, в большинстве случаев она была права. Женя пыталась, честно пыталась стать лучше, чтобы нравиться маме. Да что там маме! Женя старалась угодить подругам, любой ценой заслужить любовь учителей, одобрение сторожихи из раздевалки, уважение тренера по плаванию, улыбку мальчика из параллельного класса. Она чувствовала, что ей просто необходимо нравиться людям. Всем без исключения. И вскоре это привело к тому, что буквально все вокруг стали ее презирать. Одноклассники использовали ее так, как им взбредет в голову. Женя стояла на шухере, если нужно было украсть классный журнал. Она попробовала курить, только чтобы не разочаровать стайку «неблагополучных», которые не без удовольствия с ней игрались, как кошки с загнанной мышью. Она приносила из

дому деньги и мамину косметику и отдавала все это только за то, чтобы ее взяли попрыгать в резиночку.

— Ну почему я такая невыносимая! — жаловалась Женя плакату с Дитером Боленом, который смотрел на нее понимающим взглядом и улыбался. Иногда по-доброму, а иногда едко, с издевкой. Даже Дитеру она не слишком-то нравилась.

Несколько раз Женя пыталась начать новую жизнь: когда поступила в институт, пару раз в течение учебы и когда выпускалась из него. Женя читала умные книги и журналы, но не те, которые можно купить в любом киоске, действительно умные, написанные профессиональными психологами и для профессиональных психологов. Женя много училась, работала над собой, ходила на семинары. Все, что она хотела, — это любить. Конечно, хотелось бы быть любимой в ответ, быть счастливой, найти взаимопонимание. Нормальные мечты о том, чтобы найти Человека — вторую половину. Мало ли где, мало ли когда. Но хотя бы полюбить самой того, кто позволит ей это. Женя была готова полюбить практически любого.

Результат был один и тот же — она пыталась произвести впечатление на людей, а они пользовались этим. Годам к двадцати пяти Женя смирилась и пошла другим путем — путем духовных практик. Она пробовала йогу, пробовала Рейки, медитировала под буддистскую музыку и однажды домедитировалась до того, что реально впала в транс. Как-то раз очередной гуру сказал ей, что у нее имеется недо-

статок зеленой энергии, что было не слишком понятно, и что ей необходимо ежедневно медитировать по сорок минут на тему приятия себя в мире и мира в себе. Это было более понятно. После этих слов гуру произвел некоторые загадочные манипуляции с Жениным телом, отчего каждая косточка и каждый сустав захрустели, а потом вдруг стало тепло и Женя почувствовала, что ей на все наплевать.

— Господи, как хорошо-то! Можно, я буду ходить к вам три раза в неделю? — взмолилась Женя, которой то, что сделал с ней гуру, понравилось куда больше, чем то, что с ней обычно делали мужчины.

— Я уезжаю на Тибет на все лето. А вам необходимо избавиться от внутренней матери. Вы уже выросли, так что пора перерезать пуповину, — сказал гуру и исчез. Однако его появление в Жениной жизни изменило все. Ну, или почти все. Так, по крайней мере, считала сама Женя.

— Он показал мне, кто я есть на самом деле! Я больше не стану отрицать собственную природу. Да, я такая. Другой меня нет и не будет. Что же мне теперь, не жить полной жизнью? — говорила она, размахивая руками. Конечно, несколько смущал тот факт, что и в двадцать пять лет она говорила это Дитеру Болену.

Однако изменить себя по-настоящему нельзя за пять минут. Зато теперь Женя знала, что изменить себя возможно, только если ты по-настоящему узнаешь и примешь себя.

А кроме этого, Женя решилась и по совету гуру перерезала пуповину. Ушел где-то год на то, чтобы решиться. У Жени была стабильная работа, нормальная и даже высокая зарплата, но все же... это был большой шаг — уехать из родной квартиры. Мать, конечно же, считала это очередной дурью неудачницы дочери. Вторая дочь, Женина сестра Екатерина, была совсем другой, она не была дерганой, как Женя, не была жалкой, не совершала глупостей, к тому же она была замужем. А как оценить женщину, которая к двадцати пяти годам сидит одна-одинешенька? Ни детей, ни даже постоянных отношений.

— Но я же и говорю, что, если я буду жить одна, у меня будет больше шансов на устройство личной жизни, — оправдывалась Женя.

— Дело не в том, что ты живешь со мной, — морщилась мама. — Ты посмотри на себя.

— А что теперь-то со мной не так? — Женя смотрела в зеркало и, хотя ей не слишком нравилось ее лицо (руки, ноги, плечи, улыбка, осанка, форма носа, коленные чашечки, цвет волос и все, что следует далее), она все же признавала, что данное ей богом тело запаковано теперь в подходящие шмотки от хороших, дорогих брендов. Волосы пострижены, вытянуты и превосходно уложены, косметолог помог справиться с проблемами кожи — она теперь вполне ровная и красивого оттенка. Рост... ну, тут уже ничего не поделаешь. Впрочем, хорошие сапоги на высоком каблуке легко все исправят.

— Ты слишком много времени уделяешь работе.